

Милена Мельникова

Станция Конечная

18+

Милена Мельникова

Станция Конечная

«Автор»

2026

Мельникова М.

Станция Конечная / М. Мельникова — «Автор», 2026

Поезд застрял в степи, укутанный густым белым туманом — и пассажиры начали бесследно исчезать. Айлин привыкла держать все под контролем: идеальный дом, идеальный брак, идеальная дочь Аида. Никто не знает, чего ей это стоит и что она прячет за безупречным фасадом. Но туман не оставляет масок. Он проникает сквозь щели, стирает границы между людьми, обнажает страхи и старые раны. Пока одни ищут виноватых, а другие — новую власть над испуганной толпой, Айлин остается один на один с главным врагом — самой собой. Чтобы спасти дочь, ей придется заглянуть туда, куда она боялась смотреть всю жизнь. Психологический триллер о страхе, зависимости и цене, которую мы платим за право называться сильными.

© Мельникова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. На белом пятна виднее.	6
Глава 2. Дорога в никуда.	9
Глава 3. Кусочки чужих жизней.	13
Глава 4. Не выкуренная сигарета	18

Милена Мельникова

Станция Конечная

Пролог

Чтобы осознать себя в этом моменте, нужно вернуться назад. Еще до запаха пота, покрывающего свежие простыни, что скрипят после очередной стирки. Еще до выезда из дома в спешке, схватив легкую сумку и оставив все мысли, проедающие конечности, в ухоженных комнатах. Еще до планирования поездки и даже до Ее рождения. До решения выйти замуж и первого школьного дня. До первого слова и вездесущего запаха спирта.

Вернуться к моменту, когда все начиналось. Когда белая пелена была не опасным туманом, пытающимся тебя сожрать, а теплым запахом молока матери, качающей тебя на своих дрожащих от усталости руках. К моменту, когда ты делаешь первый вдох, определяющий всю твою жизнь.

Вдох. Выдох. Первый крик. Запах материнской груди со сладкой примесью влаги ее тела. Голос отца. Смех и громкий ночной плач. Боль в животе. Страх перед незнакомцем. Новые цвета. Жизнь.

Вернуться назад, чтобы осознать, с чего все это начиналось и что привело именно сюда. Но времени больше нет. Нужно бежать. Бежать и прятаться.

– Аида, тез¹, тез, тез! – собственный голос звучит слишком громко, но недостаточно. Она бежит вперед и останавливается у двери в купе. Ручка дрожит, словно закрылась за секунду до того, как ее заметили. Внутри кто-то есть. Но можно ли надеяться на человечность в человеке?

– Откройте! Пожалуйста, откройте! – она с силой дергает ручку. Все вокруг плывет. Шатается. И растворяется. Я вновь в теле маленького ребенка. Не могу сделать шаг и направить свою руку. Зрение доходит позже, чем должно. Собственный голос куда-то уплывает. Мне кажется, я вижу его волны. Или это первые тени тумана, окружающего нас со всех сторон?

Щелчок. Металл трется о металл. Старое дерево кричит от посягательств, не рассчитанных его создателями. Глупость. Создатель дерева – само дерево. Оно ждало совсем не этого. Не раскрытой двери для спасения девочки и ее матери. Это сделали мы, люди. Решили, что можем решать. Придумали, что сумеем придумать. Но что же нам делать сейчас?

Аида забегает в комнату. Последнее, что я вижу, – рука с тяжелыми советскими часами. Мне кажется, я слышу их стук. Тик-так. Дверь начинает закрываться, пока я куда-то лечу, споткнувшись о свои ноги.

Последнее, о чем я думаю, когда холодные капли тумана оседают на моем теле, – действительно ли ей безопасней там с Ним, чем в этом спокойствии белой мглы. Я пропадаю. Все, что от меня останется, – эта белая футболка, измазанная и пропитанная потом. Надо было переодеться. Люди увидят на ней пятна. Лучше бы я переоделась.

¹ тез (каз.) - быстро

Глава 1. На белом пятна виднее.

*Вещи и люди нас
окружают. И те,
и эти терзают глаз.
Лучше жить в темноте.*

Иосиф Бродский

Она рисовала ложкой по тарелке, наслаждаясь бегущими от скрипа мурашками. Молочные разводы блестели на обожженной глине, позволяя влаге проникать между крохами злаков и исчезать в воздухе. Аида водила по ним пальцами, счищая подсохшую пыль, и стряхивала частицы каши прямо на стол. Они, столь крошечные и лёгкие, терялись в складках скатерти. И лишь собравшись в небольшие холмики, обретали цвет на горящей белым карте.

– Поела? – голос мамы дернул руку девочки. Она подвинула тарелку, защищая завтрачные картины от непонятливых взглядов, и потянулась за блинчиком. Острый локоть столкнулся с холодным стеклом. Недопитый сок побежал по столу, огибая тарелки и затапливая созданные Аидой горы. Она почувствовала себя Богом, наславшим на мир Великий потоп. Случайно. Должно быть, где-то в переплетениях ткани был и свой Ной, пытающийся спасти тех, кто был того достоин. Была ли достойна Аида? Наверное, да. Она – всё-таки ребенок, а дети безгрешны. По крайней мере, так говорят.

– Аида! Это уже четвертая скатерть за два месяца. Ты издеваешься надо мной?

– Разве я специально это делаю? – девочка обиделась и встала из-за стола, оставляя все, как есть.

– Убрать за собой не хочешь? И что это на тебе? Кажется, я просила снять эту футболку. Слова сменили тон на более агрессивный.

– Я не успею убрать за собой, надо собрать вещи, – и ни слова про футболку, ни намек на послушание.

– Как?! Ты еще не собралась? Вчера до двенадцати сидела, говорила, что собираешься. Врешь опять?

Голоса звучат все громче.

– У тебя учусь.

– Аида!

Крик летит вслед за убегающей девочкой.

Дрянная девчонка. Айлин совершенно взбешена. На белой скатерти оранжевые разводы, словно устья высохшей реки, кончавшейся водопадом. На самом столе тоже черт возьми что творится. Размазанная по столу каша, горы крошек, разломанные и оставшиеся в полном объеме на тарелке жареные яйца. Эта девочка хочет свести ее с ума. Сейчас бы на свое кресло с вином и книгой в руках, а не вот это все. Можно даже без книги. Включить сериал или просто музыку, налить бокал красного и забыть о существовании мира вокруг. Пусть сами справляются.

Пока воображение украшало холст ее сознания теплыми картинами, руки и ноги двигались по кухне, убирая, моя и раскладывая по местам посуду. Когда Айлин в своей фантазии уже сидела в самолете, принимая от стюардессы бокал шампанского, на кухне был полный порядок. И пусть правильней было бы оставить это для Аиды, чтобы сама за собой убирала. Но разве может маленький ребенок навести именно тот порядок, который нужен ей? Обязательно оставит что-то грязным или забудет убрать в холодильник продукты, так что к их приезду весь дом провоняет. Так нельзя.

Их семью родные стены должны встретить идеальным порядком и приятными запахами – вдруг еще кто-то придет? Порядок в доме – это отражение порядка в семье, рекламный баннер их крепких отношений. Айлин закрыла глаза, представляя, как бы выглядел этот проект. Нарисованная картинка в стиле времен американских домохозяек, но в бежевых тонах. Все улыбаются, показывая яркие белые зубы. В руках у Айлин домашний пирог, а Тимур держит улыбающуюся Аиду. Это сошло бы за рекламу нового дома в старые времена и курса по семейным ценностям в наши годы.

По столешнице бегут волны вибрации.

Мысленно отметив идею о пересмотре дизайнов, опираясь на шаблоны времен расцвета рекламы, женщина берет звонящий телефон. Главный экран высвечивает "Любимый муж" и фотографию их пары на корпоративном мероприятии в его компании.

– Да, любимый, – сладкий флиртующий тон.

– Привет, как вы? Как Аида? – слова перекрывались шумом говорящих и смеющихся вокруг ее мужа.

– Все хорошо, собираемся уже выходить. Сейчас только соберет сумку, и поедет. Представляешь, опять надела эту свою футболку. Не понимаю...

– Да, слушай. Пока не ушли. Достань из моего рабочего стола синюю папку. Там документы. Думал, не пригодятся, а без них теперь никак.

Он ее перебил. Она заставила себя это не заметить.

– Хорошо, солнце. Что-нибудь еще?

– Нет, все гуд. Только это. Встречу вас на перроне. Отправь билеты. Ты же взяла ВИП?

– Нет, к сожалению, у нас обычное купе, – аккуратно ответила она и тут же поспешно добавила, – но ты не переживай, я убежусь, чтобы там были женщины.

– А зачем ты взяла купе? – темно-синий цвет тревоги смешался в его голосе с чем-то сероватым и коричневым.

– Просто не было ВИП, – выкинула она и тут же себя за это в мыслях наругала. Ответ был слишком поспешный.

– Не было? В Тальго? Странно. У меня всегда есть.

– Не знаю, какие-то проблемы с вагонами, все ВИПки были недоступны.

– Ну ладно, – Айлин с облегчением выдохнула. Однако это было ошибкой. – Обратно полетим на самолете.

– Тимур, нет, ты же знаешь...

– Тебе сколько лет? Двадцать девять? А летать боишься, как маленькая девочка.

Айлин молчала. Ей вдруг пришлось отправить большую часть сил на то, чтобы сдерживать слезы. Обидно, – проскочило в сознании. Тимур, будучи проницательным человеком, конечно, это сразу понял.

– Ладно, извини, можем и на поезде, только заранее посмотри нормальные купе на троих, окей? Если надо, возьми все купе. Кстати в этот раз так и надо было сделать, – она почему-то не подумала, – но ничего страшного.

Голос смягчился, хотя и отдавал все еще нотами недовольства. Словно с языка в горло упали капли ромашкового чая с медом – по ощущениям сладко, но не без горьковатого привкуса.

– Хорошо, так и сделаем.

– Еще обсудим. Ну все, давай, у меня обед с партнером. Не забудь про документы.

– Приятного аппетита, родной.

Несколько секунд шума и полная тишина. Экран вспыхнул, возвещая о завершении вызова. Айлин со вздохом положила телефон на стол и направилась вверх. А действительно, почему она не додумалась выкупить все купе? Как было бы чудесно сейчас оказаться на верхней полке с книгой в руках, без связи и лишних глаз. Можно было бы даже налить в термос

немного вина, а потом спокойно выспаться, позволив Аиде почувствовать себя взрослой и самостоятельной в длинной дороге.

Дойдя до кабинета мужа, она сразу направилась к ящику стола. Открыла его и достала синюю папку. Закрыла. Замерла. Снова открыла. И внимательно уставилась в глубину. Где-то там, под бумагами, блокнотами и обожаемыми Тимуром простыми карандашами что-то блеснуло. Часть сознания, так гордо именуемая в народе женской интуицией, уже знала, что именно там лежит. Однако губы расплывались в улыбке, натягивая на лицо маску "вот же я глупая, перепутала", а пальцы тем временем откидывали в разные стороны мусор и канцелярию. Уколовшись об открытый перочинный нож, она все-таки достала серебристый квадратик. Холодный и гладкий, с острыми краями зазубринами. Маска слетела, зацепив на пару секунд и более старую маску, успевшую врасти в ее скулы. Они вот уже много лет не пользовались презервативами, в этом не было нужды. Да и второй ребенок стал бы неплохим дополнением для их уютной жизни.

На мгновение Айлин снова нашла способ себя обмануть – может быть, он старый и лежит тут еще со времен приобретения стола. Однако отпечатанный срок годности вновь разрушил ее теорию. Она потеряла ногтем цифры, но чертова печать оказалась слишком качественной. Ах, как было бы хорошо, если бы она давно уже стерлась.

По коридору слышались шаги – это Аида с вещами вышла в зал. Женщина быстро спрятала презерватив в карман джинсов и закрыла шкафчик. Эта чертова футболка. Ну вот что она в ней нашла, Айлин не понимала и глубоко раздражалась. Сжимая в пальцах папку с документами, она вернулась на кухню, готовая к нападению. И даже где-то в душе обрадовалась, увидев дочку все с тем же ужасным принтом на спине.

– Аида! Сними эту чертову футболку!

– Нет! Это мое личное право, что носить и как выглядеть. Тебе кстати звонил дядь Саша, – кинула она и снова убежала к себе, не дав матери даже что-нибудь добавить.

Айлин чувствовала, как под ребрами расплзается токсичная слизь. Она сжимает кости и заполняет все пространство в легких, не давая вдохнуть. Руки трясутся. Больше всего сейчас хочется ворваться в ее захлавленную комнату, сметая все на своем пути и срывая захлопнутую дверь. Хочется начать кричать, как можно громче, чтобы она точно услышала, испугалась, послушалась. А если голоса не хватит, хочется ее ударить. Влепить пощечину, прерывая пререкания. Швырнуть этот презерватив прямо в лицо и проклинать за все потраченные годы. Нет, стоп. Причем тут презерватив? Откуда он взялся в ее мыслях, если злость шла от старого куска ткани – надо бы эту футболку как-нибудь тихо забрать и выкинуть. Или еще лучше сжечь.

Всего на секунду. На маленькую и ничего не значащую секунду перед глазами появилась картинка горящего дома.

Пытаясь прийти в себя, Айлин открыла верхний шкафчик на кухне и достала бутылку вина. Уже открытую. Затем достала из посудомойки термос и вылила в него остатки из бутылки. Он оказался неполным. Немного подумав, она его закрутила, поставила на стол и потянулась к телефону.

На экране высветилось сообщение из мессенджера:

"Ты можешь с нами не разговаривать, но хотя бы подпиши бумаги по наследству, у тебя есть доля."

Она удалила сообщение и, достав из того же верхнего ящика другую бутылку на этот раз белого вина, положила ее в свою сумку.

– Аида, спускайся, я вызываю такси.

Глава 2. Дорога в никуда.

Утренний вокзал ничем не отличался от дневного или ночного. В этом месте словно не было времени. Часы и минуты здесь были такими же техническими переменными, как цифра на автобусе или номер квартиры. Числа крутились на табло, перемешивались с буквами, а мы смотрели, делая вид, что понимаем этот язык. А на деле лишь искали в точности повторяющиеся на наших билетах-подсказках символы.

С самого детства Айлин была влюблена в эти звуки перрона. Подростковый период по традиции отметился прыщами и первой стыдливой влюбленностью. Она же разбавляла юношеские волнения чтением и разговорами внутри себя. Иногда отстаивала территорию своей спальни, закрывая дверь своей комнаты. Аккуратно, чтобы не наказали. И довольно часто проводила бессонные ночи за книгами, сериалами и, если повезет, общением с понравившемся ей мальчиком. Такие особенные ночи проносились мимо нее вспышкой темноты. Словно ты заезжаешь в небольшой туннель, прощаясь со светом, чтобы тут же его увидеть. Предраассветные часы всегда пахли как-то по-особенному, влюбленно и восхищенно, но все же грустно. И вот в один из таких часов Айлин как-то тихонько включила себе грустную песню, казалось, выражавшую всю ее подростковую боль, и заплакала. Но тут же разозлившись на себя, вытерла слезы и отключила музыку, наказывая себя за чрезмерную эмоциональность тишиной. И тут она услышала.

Тишина могла быть разной. Даже в отсутствии обычных звуков слышны другие, более тихие, но не менее важные. Затихшие дороги больше не заглушали голоса диспетчера с вокзала, находившегося недалеко от их дома. А утренние переклички ворон и жаворонков тонули в стуке колес и визге тормозящих вагонов. Ей казалось, что в каждой не шумящей секунде скрываются голоса уезжающих и приезжавших. Их слезы, смех и сердитое "Ну что ты, я же на пару дней". До нее доносились звуки того самого портала, позволяющего скрыться в другую реальность, в другой город. Туда, где живут другие подростки, более веселые и дружелюбные. И куда время от времени уезжает мама, сбегает и возможно даже становится кем-то другим. Когда-то она даже хотела посвятить жизнь поездкам, работать проводницей в одном из старых советских вагонов. Но что бы сказали люди? Чтобы сказала мама?

Перед взором встало ее лицо. Айлин поспешила остановить свои мысли, пока они не завели ее туда, где станут сильнее ее воли.

Оглянувшись, она нашла Аиду, сонно бредущую следом со своим одним рюкзаком, но все же в чистой футболке. Одна Вселенная знает, сколько материнских сил потребовалось на это. В руках у девочки был телефон, от которого до ушей тянулись ярко-зеленые наушники. Нога тихонько топала в слышимый только ей такт.

– Аида, – позвала Айлин, проверяя, слышит ли она. Если говорить откровенно, она сделала это чуть тише, чем надо было, где-то в глубине души предвкушая возможность высказаться по поводу наушников, наказывая дочь за утреннее поведение. Однако девочка была далеко не глупа. Она понимала материнский настрой и тут же сняла наушники, притупляя гнев этой женщины.

– Ау, мам?

Айлин выдохнула.

– Садись вот здесь, – она показала рукой на свободные кресла в зале ожидания, – а я схожу нам за водой. Тебе что-нибудь надо?

Глаза чуть сузились в ожидании очередной возможной ошибки.

– Нет, мам, только воду в дорогу. Я наелась завтраком, спасибо.

Айлин улыбнулась, ее глаза потеплели. Все еще было немного обидно, что не за что высказать оставшийся с дороги гнев, но все же она восхищалась умением своей дочери так

тонко чувствовать ее настроение. Будь у нее такие навыки, не пришлось бы пережить столько ссор с мужем.

Перрон был полон людей. Они стояли маленькими пестрыми группками с чемоданами у ног и воняли сигаретами. Айлин скривилась, проходя мимо полного мужчины в старой засаленной майке. От него пахло грязным телом и ещё чем-то горьким. Он проскочил по ней взглядом, после чего незаинтересованный отвел в сторону своим красные глаза. Уставился на заляпанную плитку и захлопал по карманам. Но не успел он засунуть руку, как его сбила девушка.

– Ой, извините. Кешерініз²! – она слегка наклонилась в извинении, схватившись за круглый живот. А затем побежала дальше. Мужчина словно и не обратил на нее внимания. Продолжил трогать карманы.

У самой железной дороги выстроились домики и вагончики всех форм и размеров. От них расходились запахи жареного и летели обрывки разговоров.

– Дайте сигареты.

– Какие?

– Любые.

– Вот, пожалуйста, – продавщица зорким натренированным глазом оглядела деньги, – Ещё двести.

Рука мужчины замерла в воздухе, когда Айлин подходила к тому же окошку и терпеливо остановилась в ожидании своей очереди.

– Тысяча двести за пачку? Не на том я однако зарабатываю. Почему так дорого?

– Если скажу, что отдала самые хорошие, поверите?

– Нет.

Мужчина усмехнулся и достал из кармана мелочь, отсчитывая монеты. Они опасно перекачивались в его ладони, и все же одна упала, оказавшись под подошвой у Айлин.

– Вы позволите, мадам? – он с улыбкой сделал к ней шаг. Айлин замерла, слово будто поцарапало стены ее привычного мира.

– Позволю что?

– Вот это, – еще движение, и он уже на коленях у ее ног. Приподнимает за носок кроссовка ее ногу и достает оттуда монетку.

– Что вы себе позволяете?

Рассчитавшись, мужчина отошел с сигаретой в руках, освобождая место у окошка. Он смотрит прямо на Айлин. Глаза блестят в спрятанной усмешке.

– Прошу прощения. Только лишь забрал монетку. И фактически я Вас не касался. Атомы вообще друг друга не касаются.

Он махнул рукой перед собой, словно пытаясь показать парящие вокруг них атомы, и тут же выпустил в это пространство дым. Айлин слотнула, захотелось забрать у него сигарету и впустить в легкие эту мягкую отраву из пачки за тысячу двести. Но вместо этого она просто отвернулась, намереваясь прервать этот разговор.

– Можно мне воды?

– Тоже любой?

– Тасай, пожалуйста. Без газа.

Женщина в теле, еле помещающаяся внутри этого заполненного товарами вагончика, делает шаг назад и влево. Двигается по уже выученной траектории. Протягивает руку – открывает холодильник. Протягивает другую – достает маленькую бутылку воды.

– Нет, большую, пожалуйста.

На мгновение замирает. Затем ставит бутылку обратно и достает другую, побольше. Закрывает холодильник и по той же траектории возвращается к окну – шаг вправо, шаг вперед.

² Извините (каз.)

– Семьсот, – замечая в руках Айлин телефон, она указывает на табличку с номером для перевода.

– А Вы знали, что это любимая вода евреев? – мужчина выбрасывает в грязную мусорку окурок и сделал шаг к ней.

– Тасай?

– Нет, вода, ой, то есть напиток, – он заикается и коротко смеется. – Я перепутал слова в шутке. Позвольте исправиться. Это должно звучать так: знаете ли Вы, что это любимый напиток евреев? Вы бы тогда спросили: Вода?. А я бы сказал, вода без газа. Смешно, правда?

– Не очень, – Айлин поворачивается, чтобы вернуться к дочери и уже ищет ее глазами.

– Давайте тогда попробуем другую, – не унимается мужчина. Он поправляет куртку на плече и широко улыбается.

– Не стоит.

– Вот послушайте, как называется...

Его прерывает вязкая мелодия "Реквиема по мечте". Айлин вновь достает свой телефон и тут же берет трубку.

– Ого, какая тоска. Теперь понятно, почему Вам не понравилась моя шутка, – успевает бросить мужчина, прежде чем Айлин отвечает.

– Да, дорогой, мы уже на вокзале, – от этой фразы незнакомец рядом замирает, но Айлин этого не замечает. Все ее внимание сейчас сосредоточено вокруг слов ее мужа.

– Кто это рядом? Вас кто-то провожает?

– Нет, нет. Это просто человек передо мной в очереди за водой стоял.

– Надо было взять воду в магазине у дома, чтобы не цеплять на перроне всяких, – его голос напряжен, словно растянутая резинка, которая вот-вот отскочит, оставив на твоих пальцах болезненную красную полосу.

– Я никого не цепляла, – голос Айлин напрягается в ответ. – Он сам подошел и начал шутить. Причем тут я?

– Тебе постоянно я рядом нужен, чтобы давать таким отпор? Сама не можешь?

– А ты и со мной рядом отпор давать не умеешь! – вырвалось то, что крутилось на языке, и тут же ошпарило и ее, и мужа.

– Не понял тебя, – вот, он дает шанс отступить назад, но женщина уже не может держать это в себе.

– Я не покупаю презервативы для тех, кто рядом крутится. В отличии от тебя, судя по всему!

Это прозвучало громче, чем она хотела бы. Пара человек, включая этого невыносимого незнакомца, посмотрели на нее, затаив дыхание. Она уже видела, как люди приготовились в ожидании шоу.

– О чем ты говоришь, – резинка ослабевает и прыгает вверх-вниз, словно кто-то дернул ее пальцем, муж на той стороне связи нервно смеется. Айлин чувствует, как в носу застревает что-то горькое. Оно же давит на носовые пазухи. В глазах появляются слезы. Если бы не этот смешок, она могла бы извиниться перед ним и успокоиться, – Что за глупости ты несешь? Какие презервативы?

Какой же плохой ход – отрицание. Все политики и знаменитости приучены, что чуть что, все нужно отрицать. И это отлично работает, когда правда скрыта на уровне всевозможных догадок и слухов, где они летают в одной среде и практически друг от друга неотличимы. Но стоит правде показаться чуть выше всего этого скопища слов, ее уже так легко не спрятать, не замаскировать под очередную глупую мысль. И тогда, отрицая всем понятную истину, ты закапываешь себя с каждым словом все сильнее.

Айлин уже вытянула эту правду, обратного пути нет. И либо она сейчас скажет об этом, позволив разразиться грому и приведя в их жизнь бурю. Либо запрячет глубоко внутри, оставит ее жечься и пожирать ее. Выбор очевиден. Она помнит, что ее растили мудрой женщиной.

– Никакие, я от злости сказала.

– Нет, подожди, – усмешка в голосе пропала, вернулся гнев. Буря прошла мимо, оставив лишь одно выжженное дерево там, где ударила слетевшая фраза. И на то, чтобы сдержать все остальные, ушло слишком много сил. Айлин была не готова сейчас продолжать этот конфликт. И как кстати на перроне начали объявлять приближение их поезда.

Сквозь шум она попыталась коротко замять эту ситуацию, извиниться и успокоить мужа.

– Приедешь, поговорим, – последнее, что она от него услышала перед тем, как положить телефон и вернуться к дочери.

Глава 3. Кусочки чужих жизней.

Вагон, словно тяжелая смертоносная стрела летевший многие километры, еле полз по рельсам, с каждым метром двигаясь все медленнее. Взлетевшие от порывов воздуха листья на перроне и клочки мусора уже улеглись на грязную плитку. Люди столпились у края, аккуратно приближаясь к желтой линии опасной территории.

Айлин вдруг задумалась, бывали ли на их перроне случаи смертей от падения под колеса и были ли они намеренными. Под лопатками пробежал ветерок, заставляя ее поежиться. Нахождение рядом с огромной машиной вдруг делало ее тело таким хрупким, а жизнь рисовало жестокой насмешкой от этого мира. Вот, мол, ты живешь и о чем-то беспокоишься, а через минуту уже можешь валяться разорванными кусками мяса, просто потому что кто-то споткнулся и толкнулся в твою сторону, не заметив чужой чемодан.

Женщина протянула руки к дочери и прижала ее за плечи к себе, на что подросток выдал естественные возмущения.

– Ма-а-ам, ну ты чего? – она еще и цокнула, резко выворачиваясь из рук Айлин. Наушники свалились с плеч и упали на асфальт, став еще одной причиной для колких высказываний. Но Айлин не слушала. Что-то в этой атмосфере суесящихся людей и звенящего металла до ужаса ее пугало. На мгновение она даже решила, что передумать будет хорошей идеей, когда работник вокзала в оранжевом жилете ударил по огромным колесам прямо за их спиной. Она вцепилась в руку притихшей Аиды и сделала шаг назад, наткнувшись на кого-то.

– Осторожней можно? Ты че творишь вообще? – молодой парень в татуировках остановился в метре от них, выразительно отряхивая кроссовок и черные джинсы. Айлин смутилась, заметив обращенные на них взгляды.

– Извините, – бросила она и, схватив вещи в одну руку и продолжая держать Аиду другой, направилась в сторону их вагона.

Проверяющий медленно запускал людей по одному, указывая налево или направо в зависимости от номера вагона. Он спрашивал имена и сверял их со своим списком. Многие, достав билеты и документы, начали их убирать, заметив, что в этом нет необходимости. Айлин сжала в ладони телефон, где на всякий случай в одном окне уже открыла билеты, а в другом – их документы. Пришла вполне ожидаемая мысль, что она в чем-то ошиблась. Вдруг дата не та или в системе произошел сбой, и их имен нет в списке. На мгновение сковав ее тревогой, эта идея совершенно внезапно показалась приятной. Такой приятной, что с каждым проверенным именем Айлин все отчетливее осознавала, что уже почти молится, чтобы это было именно так. Но этого не случилось.

Услышав имена женщины и девочки, седой контролер лишь молча кивнул и показал направо. Не успели они пройти мимо, как он поднял голову, слегка нахмурившись. Тут же поезд издал звук, чем-то отдаленно напоминавший стон.

– Устал мальчик, ну, ничего. Одна ночь до конечной, – проговорил он тихо скорее себе, чем кому-то еще. А потом улыбнулся и помог Айлин подняться внутрь вагона. Ее тут же накрыла волна духоты.

Женщина стала пробираться по узкому коридору, высматривая на дверях нужные им номера мест. В коридоре помимо них были и другие люди, столпившиеся в ожидании пройти или стремящиеся уйти с дороги обратно в свои купе. Почти все места были заняты. Айлин с тревогой оглядывала купе, надеясь не увидеть слишком уж маленьких детей. Ей хватило суега на один день, и она просто хотела добраться до своей полки, кинуть сумку и лечь в ожидании, когда поезд двинется. Но буквально в соседнем от них купе была женщина с маленьким свертком на руках. Аида быстро проскочила мимо, пользуясь возможностями своего роста, и юркнула в их купе. Айлин же проходила боком, извиняясь и злясь, что приходится это делать

– ну кто ездит с грудными детьми в общем поезде. Хорошо, что они хотя бы не в одном купе. Как бы подтверждая ее мысли, ребенок на руках у женщины заворочался и протяжно зарыдал. Мать нахмурилась и начала качать малыша, время от времени поглядывая по сторонам. От этой картины Айлин чуть смягчилась. Она представила себя на месте той матери, центром всеобщего недовольства только из-за того, что ей понадобилось куда-то поехать. Легкое чувство стыда за свои мысли холодной ладонью сжало ее сердце.

– Вали отсюда, мелкая.

– Но это мое место! – Айлин напряглась, услышав голос дочери. Она зашла в купе, готовая нападать, и тут же остановилась, чуть не коснувшись лицом ног в грязных носках. Скривившись, она стала оценивать ситуацию.

Ее дочь стояла между двумя нижним полками и разъяренная глядела наверх, где должна была быть одна из их полок. Но предназначенное место уже занял парень, с которым Айлин столкнулась на улице.

– А, это ты. Убери свою мелкую, пусть не ноет, – парень лег на подушку, намереваясь надеть объемные наушники. Айлин терпеть не могла такие, они казались ей чем-то несуразным и абсолютно мешающим всему облику.

– Вы заняли наше место, – она подняла сумку над головой и кинула ее на полку между стеной и ногами парня, задев его, – будьте так добры освободить. У нас два верхних.

– Да плевать мне, я не хочу ехать снизу, – он спихнул ногой сумку, из-за чего та упала прямо на женщину. Аида вскрикнула. Она схватила маму за руку и с ненавистью смотрела на парня.

Айлин замерла. В ней проснулось желание сдернуть этого парня прямо с полки, чтобы он упал и хорошенько встряхнулся. Но в то же время она не могла сделать и шага. Она просто стояла, глядя на ухмыляющегося грубияна, пока Аида дергала ее за руку.

– Это наше место! Мы сейчас позовем проводника! Или вообще полицию! – Аида не унималась, глядя на парня. Она уже закинула свои вещи на другую полку и тянулась к джинсам парня, видимо, чтобы устроить то, о чем задумалась ее мать.

– Аида, стой! – Айлин успела схватить ее руку до того, как та коснулась парня и привлекла еще больше внимания. – Не лезь к нему!

Ее голос оказался чуть более громким, чем она планировала. Более агрессивным и более злым. Вся ее злость на парня, которая не могла выплеснуться на свою цель, направилась по другому каналу. Айлин с силой дернула руку дочери, от чего та практически зашипела.

– Сколько раз я тебе говорила, не лезь к незнакомцам! Даже не разговаривай с ними! Ложись внизу, я залезу наверх!

– Нет! Не лягу я внизу, сама ложись, раз уж такая слабачка! – девочка выдернула руку и быстро запрыгнула наверх, оставив мать сжиматься от стыда и ярости, пока в вагон заглядывали любопытствующие. Парень с интересом смотрел на разыгравшуюся сцену. Казалось, он размышлял, стал ли он причиной случившегося и не мог понять, что от этого чувствует.

Тишину в купе прервала постучавшая молодая девушка. Сначала она аккуратно заглянула внутрь, оглядев находившихся там людей, а потом обратилась напрямую к парню.

– Извините, а может мы с Вами поменяемся? Я поздно купила билет, там была только верхняя полка. К тому же в моем купе одни мужчины, мне не очень комфортно.

– А я тут причем? – парень приподнялся на одной руке, нагло глядя на девушку. Она сделала шаг, показываясь полностью и почти заходя в купе. Вместе с ее телом показался и большой живот.

– Мне правда будет неудобно подниматься на верхнюю полку, а вам было бы как раз, просто в другом купе. Пожалуйста, – она с надеждой смотрела на парня. Усмешка уже пропала с его лица. Он на мгновение опешил, раздумывая, как поступить. Но тут в коридоре раздался раздраженный мужской голос.

– Что у вас тут происходит? Пропустите! Мать мою пропустите, она старая и больная.

Беременная девушка, глянув в сторону исходящего голоса, отошла в коридор, пропуская мужчину, ведущего за руку бабушку. Она, укутанная слишком тепло даже для сентября, еле поспевала за резкими движениями сына. А зайдя в купе, лишь стояла и смотрела, как мужчина протискивается мимо Айлин, которой пришлось сесть, быстро поднимает нижнюю полку, закидывает туда сумку и снова опускает. И все это, не проронив ни звука. Лишь быстрые отчетливые движения.

– Салам, брат, как тебя зовут? – обратился он к парню на верхней полке, пожимая его руку.

– Саят.

– Меня Дмитрий зовут. Присмотрите за ней, пожалуйста. Это моя мама. Тамара Павловна. Она – пенсионерка. К тому же с деменцией. Ей до конечной, там сестра встретит. Я спешу. Если что-то нужно будет, звоните на мой номер, – он кинул аккуратную визитку на столик и усадил застонавшую маму на полку. Быстро чмокнул ее. – Пока, мам. Как доедешь, Саня тебя встретит.

Затем он выпрямился и оглядел присутствующих. Казалось, он только сейчас заметил, что тут что-то происходит, но решил об этом не задумываться. Он посмотрел на отвернувшуюся к стенке Аиду и тут же перевел взгляд на сидевшую все в той же позе Айлин. Слегка наклонил голову и еле заметно качнул ею, выходя из купе. Там он зацепился взглядом за беременную девушку.

– О, вот вы. Пожалуйста. Приглядите за мамой. Она самостоятельная, просто спросонья может встать и потеряться в пространстве, пойти куда-нибудь или болтать всякое.

– Так я не в этом купе, – начала было девушка, но ее перебил Саят.

– В этом, – он быстро прыгнул с полки и схватил свой рюкзак, – мы как раз только что поменялись местами.

Саят протиснулся мимо Ивана и исчез. Девушка тихо кивнула и подошла к бабушке.

– Здравствуйте, Тамара Павловна, – сказала она чуть громче, чем требовалось. – Меня зовут Жанара. Вместе будем с Вами ехать.

Тамар Павловна улыбнулась и взяла девушку за руку.

– Я может старая и больная, но не глухая, – ответила она спокойным голосом. Жанара смутилась, но улыбнулась. Она быстро кивнула и вышла из купе за своими вещами. Дмитрия уже не было, как и Саята. Айлин наконец выдохнула, понимая, что конфликт прошел практически мимо и пошла вслед за новой соседкой, намереваясь ей помочь. К тому же ей просто необходимо было пару мгновений не видеть обиженную дочь, чтобы просто собраться с мыслями.

Она не понимала, что ей нужно сейчас сделать. Вернее как будто знала, но любые из вариантов действий ощущались, как нечто неподъемное. Обратиться к ней сейчас, стерпеть поток подростковой желчи и стену игнора, столкнуться с ядерным молчанием и вспышками "ты ничего не понимаешь". Но сложнее всего увидеть в ее глазах разочарование. "Слабачка", – так она сказала. Конечно, она этого не имела ввиду, но как же глубоко впиваются ее слова, оставляя открытые раны. И самое страшное, что даже зная об импульсивном происхождении этих слов, ты все равно в них веришь. И они врезаются в твою грудь, сбивая с ног и лишая дыхания. Как ее первое "я тебя не люблю, я папу люблю" когда в ее три года Айлин не разрешила ей съесть на ночь шоколадку. И как бы ты ни старалась, ты никогда не будешь считать себя хорошей матерью. Просто потому что рационально понимаешь, что это нечто нереальное, ведь всегда будут неприятные, но правильные решения. А также понимаешь, что сама далека от идеала.

Айлин и Жанара принесли вещи в купе буквально за минуту до того, как поезд дернулся. Все провожающие уже вышли, а пассажиры открывали упаковки с бельем и стелились. С каж-

дой минутой становилось все более душно. День распался, медленно перекатывая солнце по самому центру неба. Металлическая коробка вагона нагревалась, вызывая у находящихся внутри единственное желание – лечь и не двигаться, молясь о случайном потоке воздуха.

Айлин залезла на свою полку и сняла олимпиаду, оставшись в одной футболке. Она быстро взглянула на Аиду, лишь чтобы убедиться, что та так и лежит в той же позе, закрыв уши наушниками и погрузившись в последние минуты наличия интернета. Жанара внизу обмахивалась каким-то журналом, поглаживая живот. И даже Тамара Павловна сняла свой теплый платок и скинула верхнюю кофту. Она все еще сидела в водолазке, но и виду не подавала, что ей жарко. Когда поезд отъехал от станции, бабушка вдруг бодро заговорила.

– Ну что, давайте знакомиться, раз уж мой непутевый сын скинул меня на ваши головы. Но вы не переживайте. Я не так больна, как он описывает. Молодому глупцу просто стыдно признать, что он сам не хочет обо мне ухаживать, вот и преувеличивает. А я его не сужу, кому ж в его возрасте то захочется за старой бабкой ухаживать.

Айлин напряглась в ожидании, что с нее будут спрашивать внимание и необходимость участвовать в этом разговоре.

– Вы не наговаривайте на себя, – сказала Жанара, – не такая уж вы и старая. Когда моя мама будет в таком возрасте, я с радостью возьму на себя эту честь заботы.

– Честь, – усмехнулась бойкая бабушка, – интересно ты говоришь, милочка. Ты уж извини, что я с тобой на ты, больно уж странно выкать со всеми. Я – женщина простая. Проработала всю жизнь швеей, а теперь и пальцы согнуть не могу. На вы никогда не общались, знаешь ли. Не учили нас. А ты куда едешь?

– Я вот к маме как раз и еду, – сказала тихо она.

– А муж где?

Рука девушки замерла на животе. На мгновение зависла пауза, которую та поспешила как можно быстрее развеять.

– Да, дома остался, работает.

– Ишь ты, работает. Мой тоже работает. Одни работяги собрались. А что ж это ты тогда в этом душном купе едешь, а не в дорогом на двух человек? Скупил бы тебе два билета, раз работает. А то работяги развелись. Смысл, что они работают, если беременная жена вот так одна едет. Если бы не поменялась с этим мальчишкой, так и ехала бы с мужиками.

Жанара притихла, ничего не отвечая. Она наклонила голову и, казалось, о чем-то задумалась. Айлин только молча про себя усмехнулась. Ей нравилась эта бабушка. Что бы там сын про нее не говорил, что-то в ней было совершенно здоровое. Даже более здоровое, чем во всех них, сидящих и лежащих в этом вагоне.

В соседнем купе снова закричал ребенок. Тамара Павловна чуть шевельнулась, продолжая сидеть на своей полке. Но ничего говорить она уже не стала, лишь молча смотрела в большое окно. Мутноватое стекло придавало проносящимся пейзажам какой-то сказочный вид, словно выглянул прямо из сна. Даже наклейка в самом углу с инструкцией, что окно должно открываться двумя людьми, казалась здесь совершенно уместной. Поезд выезжал из города, и все реже встречались селения. Но время от времени все еще проносились мимо одинокие дома, в которые удавалось заглянуть с высоты. Маленькие грядки, уличные души всех цветов и бегающие с детьми домашние питомцы, – все это так и веяло жизнью. Такой далекой для Айлин и чуждой, но оттого не перестававшей быть теплой.

– Аида, – тихонько позвала Айлин дочку в надежде попробовать с ней поговорить и смягчить случившуюся ситуацию. Но та не отреагировала. Женщина лишь вздохнула и поудобней улеглась на бок. Она посмотрела на уведомления на телефоне и включила авиарежим – на сообщения мужа можно ответить и позже. А затем достала свои наушники, включила музыку и закрыла глаза.

Она засыпала с мыслями о том, как же все-таки сложно ладить с подростком, который к тому же похож на тебя во всех своих действиях и суждениях. А на соседней полке лежала с открытыми глазами грустная девочка. Она слышала, как мама зовет ее, но не решилась повернуться, слишком уж было стыдно за сказанное. А когда все-таки нашла в себе нужную смелость посмотреть ей в глаза, стало поздно. Ее мать уже повернулась спиной, закрытая к разговору.

Глава 4. Не выкуренная сигарета

Айлин снится ее детство.

Она просыпается от шума в коридоре и потягивается. Глаза все еще слипаются, тянет закрыть их и вернуться ко сну. В воздухе плывет запах чего-то жареного, от него начинает подташнивать. Она накрывается с головой и почти проваливается в мягкое забытие, когда дверь в ее комнату открывается. Причем громко и резко, ударяясь о стену.

– Вставай, хватит спать! – дверь снова хлопает, на этот раз закрываясь.

Девочка подскакивает. Разлившийся по телу страх прогоняет дрему. Она быстро скидывает одеяло и позволяет себе еще раз потянуться в наигранной надежде самостоятельно контролировать свое настроение. Но из коридора снова доносится крик.

– Уже проснулась! – отправляет она недовольно в коридор и оглядывает комнату в поисках своей одежды. Поднимает с пола шорты, а к стулу тянется за майкой. Ступив на холодный пол, секунду думает и все же заглядывает под кровать в поисках носков. Надев носки, выходит в коридор.

С каждым ее шагом потолок становится выше. Она оглядывает свои руки и ноги, уменьшающиеся между двумя обшарпанными стенами. Кажется, будто еще чуть-чуть, и ее совершенно не станет.

– Мам! – кричит она и изо всех сил бежит на кухню. Но каждая ее попытка оттолкнуться от земли, словно крутит пол под ногами, оставляя девочку на том же месте. Она старается все сильнее и сильнее. Зреющая в груди тревога превращается уже в настоящую панику. Она кричит и зовет маму, слыша, как буквально в метре от нее, за дверью в кухню, та шумит тарелками и накладывает по ним омлет. Вот шумит кран и закипает чайник. А вот мама шумит вилками, доставая их из подставки. Айлин понимает, что с каждым следующим действием на кухне громкость звуков только повышается. Где-то над головой уже мигает красным таймер. Еще чуть-чуть, и она не успеет.

И она не успевает. Дверь открывается. Мама подходит к Айлин, которая уже замерла на месте. Она хочет объяснить, что торопилась выйти, что спешила, что это все пол. Но губы оказываются склеены. Одна сплошная полоска кожи.

Аккуратно расчесанная, женщина молча стоит над девочкой. На ее домашнем халате, покрытом сверху белоснежным фартуком, ни единого пятнышка. Она просто стоит и смотрит на свою дочь. А девочка чувствует, как еще быстрее уменьшается под этим взглядом, пока наконец не становится такой маленькой, что падает в текстуры ковра.

Она все летит и летит, но продолжает чувствовать на себе взгляд матери. Свет отдаляется, погружая ее в темноту. И только когда все вокруг наконец уже пропадает, она слышит ее чуть танцующий на пивных нотках голос.

– Я люблю тебя.

Айлин просыпается с головной болью, как раз когда вагон начинает медленно тормозить. За окном тянется перрон. Те же тележки с едой и товарами, те же дородные женщины в платках и вязаных кофтах, срывающие голос в попытках привлечь клиента.

Аида улыбается, глядя на экран телефона. Она в наушниках и время от времени даже тихонько смеется, видимо, сама того не слыша. Айлин спускается с полки и привлекает ее внимание. Моментально ставшее серьезным лицо подростка, вынужденного снять наушники и отвлечься от чего-то приятного, смотрит на нее оценивающим взглядом.

– Я пойду выйду, никуда не ходи.

– Окей, – кивает она и снова надевает наушники. В душе Айлин рада, что с ней не спорили. Она нащупывает свою сумочку и выходит из вагона.

Стоящий на выходе проводник с улыбкой о чем-то болтает с мужчиной, приставшим к ней на вокзале. Ей приходится прервать их разговор, чтобы уточнить длительность остановки. Пока дружелюбный дедушка в деталях ей рассказывает не только о времени, но и о том, что лучше брать или не брать на этом перроне, она чувствует на себе пристальный взгляд. Поднимает голову и ловит его, в ответ глядя на мужчину. Тот на мгновение улыбается, но будто бы сдерживает себя, отворачиваясь и ожидая возвращения к разговору. Что-то во всем этом вызывает в женщине легкое раздражение, то ли на мужчину, то ли на себя.

На улице чуть прохладней, чем внутри вагона. Айлин отходит подальше и с удовольствием вдыхает свежий воздух, хоть и чувствует в нем множество грязных примесей. Она старается не думать, какие химикаты смешиваются с ароматами вареной кукурузы и жареной рыбы. От последнего запаха она морщится, в памяти всплывают картинки из сна. Она прижимает к себе сумочку и идет по всей длине перрона, стараясь как можно быстрее удалиться от толпы. Чем меньше вокруг становится людей, тем сложнее сдержать порыв залезть в сумочку.

Наконец, она добирается до тихого уголка с урной у самого края вокзала. Поворачивается спиной туда, откуда пришла и достает из сумки сигареты. Какое-то время держит их в руках и рассматривает предупреждающую пропаганду против курения. Разлагающийся труп на изображении предупреждает о смерти в ужасных муках. Она будто только замечает эту картинку и пытается прислушаться к своим ощущениям, появится ли в душе сомнение. Но никакая призрачная вероятность ужасного будущего не останавливает ее от потребности снизить уровень напряжения сейчас. Она вспоминает о лежащем в сумке презервативе и достает тонкую сигарету. Лопает капсулу и подносит зажигалку.

– А ведь ты сомневалась. Это уже шаг к правильному выбору.

Айлин вздрагивает, роняя зажигалку. Та ударяется прямо о выступающий камень и разлетается на кусочки. Она оборачивается на голос. Холодный взгляд женщины, одиноко стоящей в метре от нее, обжигает. Она жадно вглядывается в сигарету в руках Айлин, хмурясь и морща без того разрисованный морщинами лоб. На ней длинный выходной халат и вышитый золотистыми нитками зеленый чапан, покрытый орнаментом.

– Прошу прощения?

Женщина улыбается, пряча льдинки поглубже за мутными радужками.

– Меня зовут Асия. Мы с тобой с одного вагона. Вышла прогуляться, размять свои старческие ноги подальше от толпы мужчин. А потом вижу, ты стоишь, словно вся трясешься. Подумала, тебе нужна женская поддержка. Никому в наше время не помешает тепло и праведный совет.

Что-то внутри Айлин сжимается. Она вновь вспоминает свой сон, как становится маленькой и куда-то летит. Но она уже не маленькая. Она – взрослая женщина, которая сама несет ответственность за жизнь свою и уже своей дочери. Ей становится неуютно, что другая женщина, тем более намного старше, увидела ее в таком состоянии, в этот период слабости. Она молча выбрасывает в урну сигарету, борясь с последними сожалениями и отгоняя мысли о том, как чудесна могла бы быть эта первая затяжка. Какое-то время она думает выкинуть в урну и презерватив, словно прожигающий в ее сумке дыру стыда и покрывающий ее саму мутной пеленой не удержанного брака.

– Что тебя так беспокоит? – продолжает Асия, не дождавшись ответа от женщины.

– Ой, извините. Задумалась о своем просто. Меня зовут Айлин.

– Я видела, что ты едешь с дочкой. Это тем более, что ты выбросила эту гадость. Не стоит маленьким девочкам видеть, как пороки общества развращают матерей. Примеров вокруг и без того достаточно. Женщины ступают не на свой путь, оказываясь открытыми для гадости, что по своей природе тянется лишь к мужчинам. Лишь они созданы, чтобы иметь возможность с этим сражаться, мы же для такого не созданы.

Слова этой женщины вызвали в Айлин странное желание вступить с ней в спор. Вдруг захотелось снова достать сигареты и закурить прямо при ней. Но тяжелый взгляд женщины пристыдил в ней это чувство. Отчего внутреннее раздражение, только копившееся с самого утра, начало нарастать с еще большей скоростью. Ей вдруг показалось, что во всех ее бедах виновата именно эта женщина. Так сильно ей не нравились рассуждения той о пороках общества.

– А для чего же мы созданы?

– Для любви. И для силы.

– Для любви, – она вновь вспоминает о лежащем в сумке презервативе. – Вам стоило бы рассказать об этом моему мужу, который трахается непонятно с кем в другом городе, пока я тяну весь быт и сложный период жизни дочери подростка.

Она жалеет, что слова сорвались с ее губ, но ничего не может поделать с этим импульсом. Колкости сами рвутся изнутри, оголяя накаленную струну. Еще чуть-чуть, и она взорвется, пусть хотя бы выйдет словами. Хотя Айлин тут же становится стыдно, что она выдала эту информацию перед чужой женщиной, еще и в таких деталях и с такими выражениями. Но Асия не выглядит оскорбленной.

– Извините, – проговаривает Айлин, вздыхая и собираясь уйти.

– Для любви и для силы, – повторяет свои слова Асия. – Истинная сила кроется в тишине, на которую способны только женщины. В умении стоять в тени, откуда лучше видно картину. В умении простить слабости мужчины, ибо ему дана и без того сложная роль. Как минимум, им не суждено было родиться женщинами. Они вынуждены тащить на себе бремя контроля и главы семьи, но спрашивает ли кто у них, хотят ли они этого? Или может кто-то интересуется, способны ли они на эту роль?

Пока Асия говорила, она медленно шли вместе в сторону своего вагона. Им же навстречу в это время шел мужчина в возрасте. Седой и покрытый ароматом старости, но все еще крепкий, цепляющийся за то, чем и кем он владеет. Его густые брови поднимались высоко на лоб, а губы были сложены в тонкую розоватую ленту.

– Асия, я искал тебя. Просил же далеко не отходить, – Айлин вздрогнула. Что-то в его манере речи напомнило ей о собственном муже.

– Иду, Ерлан. Не ругайся. У нашего вагона было много мужчин, я решила уединиться с этой милой девушкой. Это Айлин, она едет с дочкой к мужу.

Ерлан оценивающе оглядел Айлин – так смотрят охотники на подаренное им ружье, сразу давая понять дарителю, кто здесь профессионал, способный разобрать любые недостатки с первого взгляда. А затем, кивнув, как бы решая, что осмотр закончен, он обратился к самой женщине.

– Что это Ваш муж разрешил вам с дочерью ехать без него. Неправильно это. Женщина должна находиться под присмотром мужа.

– Правильно говоришь, дорогой. Но они молодые. Со временем еще поймут. Пойдем скорее. Устала я.

Они удалились, оставляя Айлин выдохнуть и немного подумать, как же она все-таки относится к словам Асии. Что-то в них казалось правильным, сложно было оспорить, но в то же время часть ее души уже возненавидела эту женщину всеми силами. Та же часть души сейчас тянула снова отойти подальше и еще раз попробовать закурить. Однако этому не суждено было случиться. Проводник подзывал пассажиров, предупреждая о скором отправлении.